

НАСТУПИЛ час вооруженного восстания, и крейсер «Заря» идет в революцию. Председатель судового комитета матрос-большевик Годун обращается к команде корабля с короткой, страстной речью. Все помыслы революционных моряков сосредоточены сейчас на одной мысли — победить!

А еще несколько минут назад разнородно, разноголосо шумело и пенилось матросское море. Загадочно исчез часовой. Дана команда: мгновенно проверить все отсеки и трюмы. Чтобы выиграть время, пришедший контрреволюционного заговора боцман Швач обвиняет в измене командира крейсера Берсенева: пока, мол, разберутся, лейтенант Штубе успеет подложить мину.

Берсенов, не пожелавший выяснить истинное положение вещей, арестован. Кажется, что Швач одерживает победу. Но в это самое время на крейсер буквально врываются представители Центробалта Панов и с ним женщина. Это Татьяна, дочь Берсенева, жена Штубе, к которой крепко припал сердцем Годун. Случайно узнала она о заговоре, о готовящейся диверсии и теперь спешит предупредить матросов. Заговорщики схвачены. Матросский суд над ними — правый, беспощадный, скорый.

Все прояснилось, и кажется, что матросское море успокоилось, притихло. Но только кажется: вся команда охвачена внутренним напряжением, ждет новых схваток, новых боев. Крейсер держит курс на Питер...

С юности знакомая пьеса — «Разлом» Б. Лавренева. Знакомые, не однажды виденные на сцене образы. Рядом со мной в зрительном зале Театра имени М. Н. Ермоловой сидела девушка, видимо, студентка театроведческого факультета ГИТИСа. По ходу спектакля она делала заметки в блокноте, но временами захваченная действием, вместе со всеми зрителями горячо аплодировала. То, что для меня, для людей моего поколения — встреча с давним-давно дорогим, близким, до боли знакомым, для нее — образное открытие, эмоциональное постижение революции. И мне радостно, что моя соседка, вовсе не знакомая мне, так непосредственно, так открыто воспринимала звонкую романтику революции, пронизывающую и окрашивающую пьесу Лавренева. Живет, живет пьеса, написанная более четырех десятилетий назад!

Вместе с автором пьесы, одним из зачинателей советской драматургии, делит успех режиссер В. Андреев.

Ему удалось ни грана не утратить в романтическом звучании произведения, сделать переходы от сцен семейных, можно сказать интимных, происходящих в доме капитана Берсенева, к сценам массовым, приподнятым над бытом, и, наоборот, от сцен массовых к сценам семейным естественными и органичными. Раскрыть, как революция вторгается в частную жизнь людей и как в массе народа суще-

актер Б. Быстров характеризует как натуру кипучую, живую, энергичную. Есть в этом человеке и светлый ум, и крепкая воля, и недюжинный организаторский талант. Пастух, затем рабочий, позднее матрос, Годун, постигнув и умом и сердцем большевистскую правду, признав ее, как свое кровное, уверенно, твердо ступает по земле. В нем развито чувство достоинства, и он, отлично пони-

привлекательные качества образа, которыми он был отмечен в первой половине спектакля.

В постановке много хороших актерских работ. Это и жена Берсенева — О. Николаева, и Ксения — О. Селезнева, и Штубе — В. Еремичев, и матросы: Дядя — В. Балагуров, Пожилой — С. Зайцев, боцман Еремеев — Ю. Волков...

Особо хочется выделить В. Лекарева в роли белогвардейского полковника Ярцева. Он появляется лишь в одной сцене, но актеру удается передать черты врага озлобленного, убежденного, беспощадного. Непонятно только, неужели Ярцев и поручик Полевой, преодолевшие огромные препятствия на своем пути, старательно подделывавшиеся под революционных матросов, так весь этот путь и проделали с офицерскими погонами на плечах, неизвестно ради чего рискуя жизнью?

Если динамичные массовые сцены отличны решениями режиссером, то сцены повседневного корабельного быта вызывают некоторое недоверие. Они не дряят палубу, эти матросы, а так, проводят время, лишь делая вид, что заняты уборкой корабля. Вряд ли правдомерно и то, что в погоне за сбежавшими контрреволюционерами Ярцевым и Полевым на квартиру к Берсенову приходит матросы с крейсера, которым командует он. Во-первых, вряд ли они могли не знать, где живет их командир, а во-вторых, непонятно, почему они безмолвствуют в тот момент, когда Швач обвиняет Берсенева в измене.

Ярко играет Ю. Медведев роль Швача. Хотелось бы только, чтобы колоритная бытовая характеристика образа не заслоняла порой его социальной, классовой сути. Швач ведь не глуп. «Недотепой» его никак не назовешь. Это не просто комедийная фигура, а злобный классовый враг.

Еще два замечания. Несколько однозначен контр-адмирал Милицин в исполнении Ф. Корчагина, — в нем не чувствуется силы и уверенности. Внешне привлекательна, мягка в эпизодической роли горничной Л. Шубина. Но как же не вяжется с этим внешним обаянием ее простонародный говор! Так и кажется, что перед нами не горничная, а рязенная под нее.

Некоторые минусы постановки, конечно, досадны. Но хочется надеяться, что со временем многие из них будут устранены — спектакль только начинается жизнь. Спектакль правдивый, взволнованный, глубоко искренний в передаче романтики революции.

Юр. ЗУБКОВ.

РОМАНТИКА ГРОЗОВЫХ ДНЕЙ

«Разлом» Б. Лавренева в Театре
имени М. Н. Ермоловой

ствуют, складываются, развиваются особые, глубоко индивидуальные взаимоотношения между различными людьми. Как личное и общественное образуют единый и тугой сплав.

Верными, активными союзниками режиссера в реализации этого замысла выступили художники В. Лаврентьев и Н. Сосунов, создавшие сценическую установку, равно выразительную при обрисовке как квартиры Берсенева, так и палубы боевого корабля.

Ставя в середине тридцатых годов в Художественном театре драму К. Тренева «Любовь Яровая», написанную за десять лет до этого, одновременно с «Разломом» Лавренева, Вл. И. Немтирович-Данченко подчеркивал, что «романтическая прелесть пьесы» заключается в раскрытии того, как ее героиня, «исстрадавшая» свою «огромную любовь», «заражается огромной ненавистью к прежде дорогому человеку на почве политической розни». В этом — прелесть, обаяние, секрет жизнеспособности и пьесы Б. Лавренева. И не только в смысле преодоления Татьяной бывшей любви к Штубе, но и в смысле более широком — определении, кристаллизации политических точек зрения как среди офицеров, так и среди матросов. Определении, кристаллизации, благодаря которым вчерашние друзья сегодня оказываются врагами. Этот внутренний мотив пьесы, многое определяющий в движении характеров, ее населяющих, в их взаимоотношениях, мотив, чрезвычайно важный для сегодняшнего звучания произведения, красной нитью проходит сквозь весь спектакль ермоловцев.

Артема Годуна молодой

мая, что правда, будущее не со Штубе и ему подобными, ощущает свое внутреннее, если хотите — интеллектуальное превосходство над ними. В сценах с Татьяной Годун — Быстров искренен, ведет себя сдержанно и мужественно.

Роль капитана Берсенева играет один из ведущих мастеров ермоловской сцены В. Якут. Играет, как и всегда, глубоко, выразительно, мастерски. Актер хорошо передает обостренное самлюбие Берсенева, его легкую ранимость. Только хотелось бы в командире крейсера больше видеть человека определенной социальной среды, воспитания, быта.

Убедительна в первой половине спектакля В. Разинкова в роли Татьяны. Эта молодая женщина как бы олицетворяет собой интеллигентность и внутреннюю грацию, изящество, благородство. Сильное впечатление производит сцена, когда Татьяна — Разинкова, резко споря со Штубе, вдруг порывисто обнимает его, и прижимается к его плечу головой. Их отношения уже на грани разрыва, но прошлого не вычеркнешь, не так-то просто расстаться с ним, признаться, что годы были потрачены зря. И короткий призыв прошлого еще резче подчеркивает затем пропасть, все больше и больше отдаляющую этих людей друг от друга.

Во второй половине спектакля, в разговоре Татьяны с сестрой Ксенией, из которого она, Татьяна, узнает о готовящемся взрыве крейсера, и в сцене, происходящей на крейсере, В. Разинковой не хватает глубины. Все чувства своей героини она столь бурно, несдержанно выплескивает наружу, что утрачиваются многие

«Моя правда» 15 июля 1970